

— • Томас Гарди • —

СУХАЯ РУКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44
Г20

Серия «Викторианский бестселлер»

Перевод с английского

Серийное оформление и дизайн обложки *Е. Лазаревой*

Гарди, Томас.

Г20 Сухая рука : [сборник рассказов : перевод с английского] / Томас Гарди. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 384 с. — (Викторианский бестселлер).

ISBN 978-5-17-179873-4

Литературоведы называют Томаса Гарди «одним из великолепных мастеров короткой прозы», а сам автор считал, что «рассказ должен быть исключительным, чтобы оправдать свое существование». Так, например, в рассказе «Сухая рука» Гарди отразил свое видение сентиментальной готической прозы, вписав сверхъестественные явления в реалистичную обыденность сельской жизни. Рода Брук в одиночку растит сына, отцом которого является владелец местной фермы, мистер Лодж. Вскоре после того как Лодж женится на молодой красавице Гертруде, девушка является Роде во сне в образе страшной ведьмы. Сон ли это?

В данное издание вошли также «Проповедник в смятении», «Три незнакомца», «Незванные гости» и другие произведения автора.

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-179873-4

© Перевод. Е. Ильина, 2025
© Перевод. И. Бернштейн, наследники, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ПРОПОВЕДНИК В СМЯТЕНИИ

Глава 1

Как излечили его простуду

Что-то задержало приезд методистского священника, и на его место временно назначили другого — гораздо более молодого человека. И вот 13 января 183... года мистер Стокдейл — тот самый молодой человек — тихо объявился в деревне, никому не известный и почти никем не замеченный. Но когда жители деревни, считавшие себя представителями методистской конфессии, познакомились с ним чуть ближе, он им скорее понравился, нежели наоборот, хотя, учитывая его юный возраст, он вряд ли успел вырабатывать в себе твердость характера, необходимую для того, чтобы оказывать достаточное влияние на сознание и умы ста сорока ревностных методистов, проживавших в то время в Незер-Мойнтоне, да вдобавок к этому всячески поддерживать тех не укрепившихся в своей вере прихожан, что по утрам посещали церковь, а по вечерам — часовню (таких насчитывалось еще сто десять человек). Зимой к ним присоединялся и церковный причетник, ибо на улице было слишком темно, чтобы викарий мог разглядеть, кто проходит по улице в семь часов вечера. Хотя надо отдать ему должное — он никогда не утруждал себя разглядыванием лиц прихожан.

Именно это численное несоответствие между имевшимися в округе религиозными общинами легло в основу своеобразной демографической загадки, не дававшей покоя не отличавшимся умом представителям мелкопоместного дворянства Незер-Мойнтон. Они никак не могли взять в толк, как в приходе, насчитывавшем около четырехсот сорока достигших совершеннолетия жителей, оказалось триста взрослых приверженцев англиканской церкви и около двухсот шестидесяти методистов того же возраста.

Новоявленный священник оказался весьма интересной личностью, и посему те, с кем он успел пообщаться, с готовностью отложили на некоторое время насущный вопрос его соответствия занимаемой должности. Говорят, в те дни глаза его глядели ласково, но при этом без тени легкомыслия, был он высок и обладал выющимися от природы волосами — словом, оказался весьма привлекательным юношей и мгновенно завоевал сердца своих прихожанок.

«И отчего мы не знали этого прежде! Мы бы оказали ему более радушный прием!» — восклицали они.

Просто, зная, что его пребывание здесь временно, и не ожидая ничего примечательного ни от него самого, ни от его учений, методисты Незер-Мойнтон отнеслись к появлению новоприбывшего священника почти с таким же равнодушием, с каким привыкли воспринимать своего назначенного высшей властью пастора добропорядочные прихожане. Посему, когда нога Стокдейла ступила на землю Незер-Мойнтон, никто не удосужился подготовить для него квартиру и, несмотря на сильную просту-

ду, подхваченную во время путешествия, ему пришлось заняться поисками жилища самостоятельно. Порасспросив местных жителей, священник узнал, что свободные комнаты имеются лишь в доме некой миссис Лиззи Ньюбери, живущей на дальнем конце улицы.

Об этом Стокдейлу сообщил пробегавший мимо мальчишка, и священник поинтересовался у него, кто она такая.

Мальчишка ответил, что она вдова и мужа у нее нет, потому что он умер. Добавил еще, что покойный был фермером и, как говорят, человеком зажиточным, а жизни его лишила тяжелая болезнь. Что же касается религиозной приверженности миссис Ньюбери, священник пришел к выводу, что твердой позиции она не имела и посещала как церковь, так и методистскую часовню.

— Я загляну к ней, — сказал Стокдейл, поняв, что за неимением жилья в доме убежденного методиста ему придется довольствоваться комнатой под крышей вдовы Ньюбери.

— Только вот больно она привередлива, — с сомнением протянул мальчишка. — Не жалует всяких там чиновников, викариев да ихних приятелей.

— Что ж, возможно, это не так уж плохо. Я к ней зайду. Или нет. Лучше сбегай к ней сначала сам да спроси, не найдется ли у нее для меня свободной комнаты. А мне нужно кое с кем повидаться. Ты найдешь меня в начале улицы у извозчика.

Вернувшийся через четверть часа посыльный сообщил, что миссис Ньюбери не прочь поселить у себя жильца, и Стокдейл отправился к ней.

Укрытый за живой изгородью дом казался просторным и удобным. Навстречу священнику вышла женщина в летах, и они договорились, что он заселится сегодня же вечером. Гостиницы в Незер-Мойнтоне не было, а ему хотелось поскорее устроиться. Деревня представляла собой центр прихода, в окрестностях которого располагались небольшие часовни, за которыми и надлежало надзирать ново-прибывшему священнику. Он распорядился, чтобы оставленные у извозчика вещи отправили в дом миссис Ньюбери, а сам отправился к своему временному жилищу пешком.

Стокдейл решил, что, коль скоро он стал законным жильцом, стучаться теперь без надобности. Тихонько войдя в дом, он услышал чьи-то быстрые удаляющиеся шаги в задней комнате — словно мышка спешила скрыться в своей норке. Стокдейл прошел в комнату в передней части дома, именовавшуюся гостиной, каменный пол которой был лишь отчасти скрыт ковром в тех местах, где по нему чаще всего ходили, отчего вокруг пухлых резных ножек стола и под отделанной латунью мебелью виднелись песчаные островки. Однако в целом комната выглядела уютной и жизнерадостной. В камине пылал огонь, отбрасывая дрожащие блики на медные дверные ручки, нетерпеливо гудел и потрескивал под каминной полкой. Возле камина примостилось удобное глубокое кресло, набитое конским волосом и утыканное бесчисленным количеством гвоздей с медными шляпками, на столе стоял чайный сервиз, а рядом с чайником, с которого предусмотрительно сняли чехол, виднелся небольшой колокольчик, стоявший в том самом ме-

сте, куда в случае необходимости машинально потянулась бы рука сидевшего в кресле человека. Удовлетворившись беглым осмотром комнаты, Стокдейл сел за стол и положил начало своему пребыванию в этом доме тем, что позвонил в колокольчик. Явившаяся на зов девочка робко прошмыгнула в комнату и налила новому жильцу чая. Она сообщила, что ее кличут Марта Сара и что живет она вон там, при этом неопределенно кивнув в сторону дороги и деревни. Не успел Стокдейл приняться за чай, как сзади раздался стук в дверь, а в ответ на его приглашение войти послышался шелест юбок, заставив его обернуться. Его взору предстала весьма привлекательная и на редкость прекрасно сложенная молодая женщина с темными волосами и красивым, высоким и чувственным лбом. Взгляд ее согрел священника прежде, чем он сам успел это осознать, а губы являли собой настоящую усладу для глаз каждого ценителя прекрасного.

— Желаете ли чего-нибудь еще? — сделав шаг вперед и придерживая рукой дверь, поинтересовалась незнакомка, глаза которой глядели на пастора живо и открыто.

— Нет-нет, благодарю вас, — ответил Стокдейл, не осознавая собственных слов, поскольку думал лишь о том, кем может приходиться хозяйке дома эта красавица.

— Вы уверены? — переспросила женщина, видимо, заметив, что священник не слишком-то раздумывал над ответом.

Стокдейл добросовестно осмотрел стоящие на столе блюда и счел, что всего этого ему вполне достаточно.

— Вне всяких сомнений, мисс Ньюбери, — ответил он.

— Миссис Ньюбери, — мягко поправила его женщина. — Лиззи Ньюбери. В девичестве Симпкинс.

— О, прошу прощения, миссис Ньюбери! — воскликнул священник, но прежде чем успел добавить что-то еще, она уже вышла из комнаты.

Стокдейл пребывал в сомнениях до тех пор, пока Марта Сара не пришла убрать со стола.

— Скажи-ка мне, дитя мое, кому принадлежит этот дом? — осведомился он.

— Миссис Лиззи Ньюбери, сэр.

— Стало быть, та пожилая дама, с которой я беседовал сегодня, не миссис Ньюбери?

— Нет, сэр. То была матушка миссис Ньюбери. А сама миссис Ньюбери — это которая вот сейчас заходила. Уж больно ей хотелось на вас посмотреть.

Позже тем же вечером, когда Стокдейл собирался ужинать, миссис Ньюбери зашла снова.

— Решила заглянуть к вам самолично. — Священник поднялся со своего места, благодаря хозяйку дома за оказанную честь. — Боюсь, малышка Марта ввела вас в заблуждение. Что бы вы хотели на ужин? Есть холодный кролик и целый окорок.

Священник ответил, что этих кушаний будет вполне достаточно, и вскоре стол был накрыт. Но едва лишь он успел отрезать кусок окорока, как в дверь снова постучали. Молодой человек уже понял, что это ритмичное постукивание весьма характерно для очаровательной хозяйки дома, и посему, проглотив первый кусок, придал своему лицу выражение вежливого безразличия.

— У нас есть еще цыпленок, мистер Стокдейл. Совсем про него забыла. Может, вы хотите? Я пошлю за ним Марту.

Стокдейл уже давно преуспел в искусстве галантности, присущей молодым людям его возраста, и поэтому заявил, что с удовольствием отведаст цыпленка, но только из рук хозяйки дома. Впрочем, едва эти слова слетели с его языка, он густо покраснел, устыдившись собственной дерзости, ибо серьезному человеку, да к тому же священнику, не пристало выражаться подобным образом в беседе с малознакомой дамой. Минуты через три на столе появилось блюдо с цыпленком, однако, к огромному удивлению Стокдейла, внесла его Марта Сара. Разочарованию его не было предела, хотя, вероятно, в этом и состояло намерение хозяйки дома.

Покончив с ужином, священник никак не ожидал вновь увидеть миссис Ньюбери, но очередной стук в дверь возвестил о ее приходе. Благодарный взгляд нового жильца тут же дал ей понять, что она ничего не потеряла, не появившись в гостиной, когда ее ждали. Однако случилось так, что подхваченная юношей в дороге простуда к вечеру лишь усилилась, и не успела миссис Ньюбери произнести и слова, как Стокдейл принялся чихать с такой силой, что никак не мог остановиться.

Миссис Ньюбери устремила на него полный сочувствия взгляд.

— Да вы совсем расхворались, мистер Стокдейл, — покачала она головой.

Тот ответил, что ему действительно очень нездоровится.

— Вот что мне пришло в голову... — лукаво улыбнулась женщина, взглянув на не внушающий оптимизма стакан с водой, которую неприятный священник собирался выпить на ночь.

— И что же, миссис Ньюбери?

— Я подумала, что вам следовало бы выпить что-нибудь более целительное, нежели эта простая холодная вода.

— Ничего не поделаешь, — произнес Стокдейл, бросив взгляд на стакан. — Трактира поблизости нет, а в деревне вряд ли можно что-то раздобыть, так что буду довольствоваться тем, что есть.

На это миссис Ньюбери ответила:

— И все же я могу предложить вам кое-что лучше. Далеко ходить не придется, хотя в доме этого снадобья нет. Я в самом деле уверена, что вам следует его отведать, иначе захвораете всерьез. Да-да, мистер Стокдейл, я настаиваю. — Видя, что ее жилец собирается возразить, миссис Ньюбери предостерегающе подняла палец. — Не спрашивайте, о чем идет речь. Просто обождите немного, и сами все увидите.

Лиззи ушла, а пребывавший в благостном расположении духа Стокдейл остался ее ждать. Вскоре она вернулась, но уже в капоре и накидке.

— Мне очень жаль, но без вашей помощи не обойтись, поскольку моя матушка уже легла. Не могли бы вы одеться потеплее и пойти со мной? И захватите с собой вон ту чашку.

Будучи одиноким молодым человеком, Стокдейл неделями томился от желания излить на кого-нибудь переполнявшие его чувства и даже нежность и потому без раздумий последовал за домовладель-

цей через заднюю дверь на улицу. Они пересекли раскинувшийся за домом сад и остановились перед невысокой каменной оградой, за которой в полумраке ночи Стокдейл разглядел несколько серых надгробий и очертания церковной крыши и колокольни.

— Здесь несложно перелезть, — пояснила миссис Ньюбери, ступила на примыкавшую к ограде скамью, с нее — на ограду, а потом мягко спрыгнула на землю, уровень которой был выше, чем в саду, как обычно бывает на кладбищах. Стокдейл последовал примеру своей хозяйки и двинулся за ней по неровной тропинке, ведущей к колокольне. Когда они оказались внутри, миссис Ньюбери тихонько притворила за собой дверь.

— Вы умеете хранить секреты? — спросила она тихим мелодичным голосом.

— Надежнее, чем железный сейф! — с жаром произнес священник.

В ответ на это она достала из складок плаща зажженный фонарь, о существовании которого священник даже не подозревал, и осветила ведущую на хоры лестницу, под которой была свалена всевозможная рухлядь вроде старых оконных рам, церковных скамей, стенных панелей и обветшалых половых досок, которые время от времени заменяли на новые.

— Не могли бы вы оттащить несколько досок в сторону? — спросила миссис Ньюбери, поднимая фонарь над головой, чтобы лучше видеть Стокдейла. — Или это сделаю я, а вы подержите фонарь.

— Эта задача мне по силам, — ответил он и, сделав, как ему было велено, с удивлением обнаружил ряд небольших бочонков с деревянными обручами.

Каждый бочонок был размером со ступицу колеса тяжелой подводы.

Как только эта картина открылась взору священника, Лиззи вопросительно посмотрела на него, словно бы выжидая, что он скажет.

— Знаете, что это такое? — спросила она, так и не дождавшись, когда молодой человек нарушит молчание.

— Да. Это бочки, — просто ответил тот.

Стокдейл родился вдали от моря, имел весьма уважаемых родителей и был взращен с мыслью о сани священника, поэтому представшее перед ним зрелище свидетельствовало в его понимании лишь о том, что перед ним стоят самые обычные бочки.

— Вы совершенно правы, — доброжелательно кивнула Лиззи, в голосе которой, однако, сквозила еле заметная ирония.

Стокдейл с опаской взглянул на нее.

— Уж не хотите ли вы сказать, что в них содержится привезенный контрабандистами алкоголь?

— Совершенно верно, — кивнула миссис Ньюбери. — Одной темной ночью эти бочки случайно принесли к нам из Франции.

В то время жители Незер-Мойнтон и его окрестностей с благосклонной улыбкой относились к греху, именуемому незаконной торговлей, и подобные бочки с бренди и джином были в этих краях таким же обыденным делом, как растущая в огородах репа. А посему невинное неведение священника и тревога, которую вызвала у него эта зловещая догадка, сначала показались Лиззи весьма забавными, однако уже в следующее мгновение она ощутила неловкость, по-

сколько происходящее могло испортить то хорошее впечатление, которое она так старалась произвести на своего постояльца.

— Кое-кто в наших краях действительно промышляет контрабандой, — словно извиняясь, тихо произнесла Лиззи. — Так уж повелось исстари, и люди не видят в том ничего дурного. Не могли бы вы выкатить один из бочонков?

— И что нам с ним делать? — поинтересовался священник.

— Отольем из него немного, чтобы вылечить вашу простуду, — ответила она. — Крепость у этого снадобья такая, что вашу хворь в мгновение ока как рукой снимет. И не стоит беспокоиться из-за того, что мы позаимствуем немного. Хозяин бочек сказал, что я могу брать сколько угодно. Если б я держала некоторое количество на кухне, нам не пришлось бы выходить из дома в такую темень. Но сама я ничего крепкого не пью и потому все время забываю запастись на случай необходимости.

— Полагаю, вам разрешили пользоваться им, чтобы вы никому не рассказали об этом тайнике?

— Ну нет: не совсем так, — но я могу приходить сюда когда пожелаю. Так что не стесняйтесь.

— Так и быть, раз уж у вас есть такое право, — пробормотал священник себе под нос, не слишком довольный собственной ролью во всей этой затее, но, тем не менее, выкатил из-под лестницы один из бочонков. — Но как же мы добудем содержимое? С помощью штопора, полагаю?

— Нет-нет, я вам сейчас покажу, — возразила его занимательная спутница, и в ее руке словно из ниот-